

Кочарян А.С., Жидко М.Е., Кочарян И.А.

ПОЛОРОЛЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ МУЖЧИН: ФЕНОМЕНЫ И ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИЙ

Актуальность проблемы. Попытка реализации политики гендерного равенства на постсоветском пространстве не только обозначила и обострила целый ряд сложных идеологических и социально-экономических проблем, но и в значительной степени простимулировала появление множества прикладных психологических исследований. Одним из положений, которое активно пересматривается в последнее время в свете постоянно поступающего массива разнообразных данных, является формирование мужской полоролевой идентичности. Как отмечает Э. Бадентер: «Еще совсем недавно роль «загадочного континента» человечества отводилась женщине и никому и в голову не приходило задаваться вопросом о том, что есть мужчина. Мужественность, принадлежность к мужскому полу, казалась очевидной: ясной, естественной и противоположной женственности. И вот за какие-то три десятка лет эта тысячелетняя очевидная истина разлетелась вдребезги. Женщины, придя к переосмыслению своей сущности, заставили мужчин последовать их примеру» [1, с. 5].

Постановка проблемы. Несмотря на то, что представления о мужественности и женственности возникли достаточно давно, когда в обществе впервые возникла потребность в познании окружающего мира и себя посредством «естественных» категорий, в целом на сегодняшний день достаточно мало известно о том, что такое «быть мужчиной» (особенно в психологическом смысле). Во многом это связано с тем, что, как объясняют авторы концепции конструирования социальной реальности П. Бергер и Т. Лукман, маскулинность и феминность, с одной стороны, рассматриваются как феномены объективной реальности, проявляющиеся в представлениях, стереотипах, установках, эталонах, которые задействованы в процессе социализации с целью формирования гендерной идентичности субъекта, а с другой – маскулинность и феминность представляют собой феномены субъективной реальности, реализующиеся в форме переживания индивидуальной полоролевой идентичности [7]. Многочисленные работы в рамках гендерного подхода (философские, социологические, литературоведческие и т.п.) в большей степени исследуют аспект социального конструирования маскулинности, оставляя вне фокуса своего интереса психологический процесс становления мужчиной и его субъективное содержание (герменевтический аспект) [2]. Поэтому, в определенном смысле перефразируя название известной книги Э. Фромма, можно сказать, что сейчас как никогда известно, как лучше всего «сделать себя» «настоящим» мужчиной (self-made man), но до сих пор неизвестно, что значит быть им.

Целью работы является психологический анализ особенностей формирования структуры полоролевой идентичности современных украинских мужчин.

Разработка проблемы. Общей особенностью славянского национального

характера, как отмечает целый ряд философов, историков, филологов и т.п., является его имманентная женственность¹. Унаследованными от советской культуры социально-психологическими особенностями современных мужчин постсоветского пространства являются: 1) глобальная феминизация институтов социализации, порождающих, в свою очередь, доминантные женские образы; 2) доминирование избранных «маскулинных» ценностей (агрессивность, индивидуализм, соперничество и т.п.) за счет атрофии других (ответственность, заботливость и т.п.); 3) идентификация с маскулинными ценностями через принадлежность ярко выраженным маскулинизированным социальным группам (бандами, спортивным командам, рабочим коллективом и т.п.) [7]. Кроме того, в постсоветском обществе на смену интеллигентным восточным образам маскулинности (производным от легендарного Ивана-дурака) пришли противоположные образы западного мира – бандита и профессионала. «Мода на бандитов – не просто мода, а составная часть мечты вырвать с корнем из себя Ивана-дурака, самому стать боссом боссов хотя бы в виртуальной реальности. Жить сильной жизнью. Шампанское, риск, погони – всегда в цене. И чтобы тебя боялись. И чтобы за твоим негромким словом стояла человеческая жизнь... С бандитских разборок начинается российское рыцарство. Национальное по форме, сильно задержавшееся по срокам... Теперь бандит, составляя свой кодекс чести, творит отечественную нравственность с азов» [4]. С. Ушакин, анализируя идеологию специализированного мужского журнала «Медведь» пишет, что «концепция мужчины-как-профессионала, развиваемая в «Медведе», может служить хорошим примером... регрессии к нарциссизму», которая «есть во многом форма защитной реакции на нестабильность внешней среды и соответственно той формы собственной идентичности, которая традиционно увязывалась с этой средой» [11]. С его точки зрения, «сквозная тема самостоятельности, само-деятельности, само-достаточности, сопровождающая концепцию «профессионального мужчины», постоянный акцент на личной способности достигать

¹ Так, Н.А. Бердяев, отмечая недостаток «мужественности в народе, мужественной активности и самостоятельности», писал: «тайна души России и русского народа, разгадка всех наших болезней и страданий – в недолжном. В ложном соотношении мужественного и женственного начала» (цит. по [7, с. 269–270]). Г. Гачев, рассуждая о русском Эросе на основе анализа художественной литературы, пишет «субъект русской жизни – женщина; мужчина – летуч, фитюлька, ветер-ветер; она – мать-сыра земля. Верно, ей такой и требуется – обдувающий, подсушивающий, а не орошающий семенем (сама сыра – в отличие от земель знойного юга); огня ей, конечно, хотелось бы добавить к себе побольше... Отсюда, естественно, выводится формула: в сюжетах литературы для русской женщины, как правило, необходимы два и больше мужчин; для мужчины – две и меньше женщин» [3, с. 251]. В. Ерофеев, вслед за В. Маяковским, называет мужчин «облаком в штанах». «Мы говорим на языке пустоты. Русский мужчина был, русского мужчины уже-еще нет, русский мужчина снова может быть» [4, с. 6]. Он также предлагает весьма интересную интерпретацию знаменитого некрасовского отрывка: «Бессмертную строчку «коня на скаку остановит» едва ли нужно понимать буквально. Скорее, хотел ли того Некрасов или нет, речь идет не о конях, а о мужчинах. Русский мужчина-конь скачет, скачет, его несет, он сам не понимает, куда он скачет, зачем и сколько времени он скачет. Он просто скачет себе и все, он в табуне, у него алиби: все скажут, и он тоже скачет... Если все-таки разобраться, куда они, эти русские мужики, скажут, то выяснится, по размышлении, что скажут они из прошлого в будущее, из вчера в завтра, перепрыгивая через сегодня. В сегодня они себя никак не укладывают, им в сегодня тесно, душно, им в сегодня делать нечего, они в сегодня жить так и не научились. Они не дали жить в сегодня ни себе, ни другим, значит, надо скакать дальше, подальше от сегодня, значит, нужно придумать такую мечту и теорию, которая будет лучше, чем сегодня, – и скорее скакать в завтра. А завтра – это не только завтрашнее сегодня, что было бы полбеды. Завтра – в перспективе – это смерть. И все скажут в смерть сломя голову».

поставленных целей довольно четко указывают не только на стремление к определению внешних границ идентичности конкретного профессионала, но и на его попытки не выходить за пределы этой, относительно безопасной, зоны личного спокойствия». Автор связывает это с психологическим переходом от концепции мужского героизма к повседневной концепции мужественности. «Исчезновение культа героев гражданской, Отечественной и афганской войн, утрата актуальности самой концепции жертвенности во имя социальных идеалов – с одной стороны, и неспособность представить рутинность капиталистической трансформации в символически привлекательных формах – с другой, привели к актуализации концепции профессионализма. Профессионализма, идеалом которого является способность сформировать новый, герметичный, рационально выстроенный или по крайней мере управляемый мир, где хозяином и творцом является герой-одиночка». Это вызывает феномен «новых русских», который следующим образом описывает французский социолог П. Бурдьё: «Их озабоченность внешним видом, проявляющаяся иногда как чувство неудовлетворенности (*unhappy consciousness*) или как высокомерие, является также источником их претензий и постоянной склонности к блефу, к присвоению той формы социальной идентичности, которая состоит в стремлении уравнивать «бытие» (*being*) и «видимость» (*seeming*), в желании владеть видимым (*appearances*) для того, чтобы иметь подлинное (*reality*)... Разрываясь между объективно доминирующими условиями и отдаленной возможностью приобщения к господствующим ценностям, представитель среднего класса поглощен проблемой своего внешнего вида, обреченного на суд публики...» (цит. по [11]).

Видимость маскулинности подкрепляется тем, что современный гендерный подход признает все варианты мужественности как возможные и имеющие право на существование. Результатом такого гендерного релятивизма, на самом деле стирающего идею пола, становится ослабление психосоциальных механизмов маскулинной фильтрации. По сути это означает, что любые девиации психосексуального и полоролевого развития не подвергаются социальной коррекции и контролю. Так, в сообщении проф. Г.С. Васильченко (Москва) на конференции по сексологии и медицинской психологии в 2002 г. (Харьков) автор акцентировал внимание на вопросе: может ли врач оказывать психотерапевтическую помощь лицам с гомосексуальной ориентацией? Если да, то, ориентируясь на сексологические критерии о том, что гомосексуальная ориентация является если не перверсией, то перверситетом, помогая больному, врач наводняет мир злом.

При этом, если количество гендеров (социальных полов) адекватно практике конструирования, то вне рамок такого социального контекста идея множественности пола и его конструкции не является адекватной. Так, симптомокомплекс маскулинности/фемининности может функционировать на трех уровнях, которые мы условно обозначили, как социогенный уровень, поведенческий уровень и биогенный уровень. Множественность пола, гендерный релятивизм специфичны только для социогенного уровня. Все остальные уровни симптомокомплекса маскулинности/фемининности имеют дипсихическую организацию – сосуществование элементов маскулинности и фемининности, которые находятся в отношениях альтернативы [6, 9].

Учитывая, что полоролевые образования личности являются стержневыми и их нарушение предрасполагает к формированию супружеской дезадаптации, нервно-психических и психосоматических расстройств различной степени выраженности, криминальному поведению и т.п. [6], гендерный релятивизм, утеря гендерной определенности, легковесное отношение к нетрадиционным формам гендерной идентичности и неосексуальным практикам создает феномены инфляции мужского и полоролевой пустоты². На уровне психотерапевтической практики, а именно она является наиболее адекватной формой герменевтического понимания мужской субъективной реальности, сегодня мы сталкиваемся с искаженными формами межличностных отношений, в основе которых лежат уровневые и структурные девиации полоролевого развития [5,6]. Это прежде всего всевозможные формы зависимых отношений, превращающих жизнь человека в тяжелую драму [8].

Описанная ситуация в украинском обществе осложняется культурным и личностным инфантилизмом. В советской культуре, построенной на фундаменте иудео-христианского патриархального принципа, основными носителями зрелости выступали мужчины. Признаком их взросления являлось формирование устойчивой идентификации с сильным и зрелым отцом. Этот процесс начинался в 3-5 лет (фаллическая стадия и стадия Эдипова комплекса), но окончательно завершался лишь в подростковом возрасте (когда сформированная идентификация начинает переноситься на другие мужские фигуры) [10]. Поэтому, для того, чтобы войти в мужской (отцовский) мир, мальчик должен был пройти еще жесткие маскулинные фильтры (уличную компанию, место в школьной иерархии, разнообразные трудовые практики, «школу мужества» – армию). Соответственно ребята, которые по разным причинам не могли идентифицироваться с отцом или начинали активно противостоять ему, превращались либо в аутсайдеров, либо в бандитов (подтверждением чего являются многочисленные психобиографии Гитлера, Сталина и др.)³.

Сегодняшнее украинское общество столкнулось с тем, что отец, как сильная фигура (в понимании объекта идентификации, имеющего фаллос «внутри себя»), в большинстве случаев попросту отсутствует. Если раньше подростки были вовлечены в интересы своих отцов, разделяя их ценности или отвергая их, то теперь проблема конфликта отцов и детей ослабевает пропорционально возрастанию слабости отцов. Молодежная

² Французская исследовательница маскулинности Э. Бадентер описывает аналогичную ситуацию в западных странах: «В семидесятые годы, когда увидели свет первые научные труды по проблеме мужественности, во всем преобладал тон страстного изобличения. Чувствовалась какая-то яростная радость в том, как подвергались пересмотру общепринятые нормы, обнаруживались все противоречия, заключавшиеся в них и давившие на весь мужской род. Но это удовольствие от изобличения и ниспровержения существующей модели мужественности сменяется в восьмидесятые годы периодом неуверенности, проникнутой чувством тревоги. Более чем когда-либо определение мужской сущности предстало как задача, которую требуется решить, а не как данность» [1].

³ Заметим, что развитие феминистического психоанализа (К. Хорни, Н. Чоддороу) и феминистических тенденций в гендерной психологии (Р. Столлер, Алешина) привели к попыткам пересмотра роли идентификации с отцом в развитии мальчика. Исходя из первичной фемининности мальчика, его мужественность приобретает как результат отвержения внутренней женственности [6, 13]. В определенном смысле в этих теориях мальчик становится мужчиной случайно.

культура (наполненная детско-подростковой «теневогой» маскулинностью, связанной с тематиками кастрации и инфляции) становится настолько мощной и широкой, что в настоящий момент уже отцы (взрослые) начинают обслуживать ее (перенимая форму одежды, манеру общения, интересы и т.п.). Прежние, просоциальные, ценности взрослой жизни расцениваются как неадаптивные, зато на первый план выходят инфляционные ценности: соперничество, сила, власть, агрессия и т.п. Так, исследования Е.А. Кочемировской показывают, что подростковое насилие становится нормой для просоциальных подростков с виогентными ценностями.

Достаточно просто получая «социальный фаллос» из подростковой среды, мальчик теряет стимул к дальнейшему взрослению и обретению «психологического фаллоса». Таким образом, мы можем говорить не только об инфляции мужского, но и о девальвации зрелости – отсутствии или подавлении зрелых структур и смыслов личности при наличии внешнего, поведенческого, «взрослого» фасада. Отметим, что феномен девальвации зрелости носит скорее универсально-исторический, чем узко гендерный характер. Еще в эссе 1965 г. «Сбирайтесь вместе, о вы, старлетки!» [12] классик английской литературы Джон Фаулз пишет о современницах: «Возникла странная, но теперь уже повсеместная мода называть женщин, на десятки лет перешагнувших тридцатилетний возраст, девушками, и – соответственно – если идти с другого конца возрастной шкалы – включать в разряд «девушек или гурий тех, кого раньше считали просто школьницами. Можно видеть это стремление женской половины человечества к «девичеству» в рекламе косметики, все более и более ориентирующейся на омоложение («Сотрите годы с лица при помощи...»), и еще более безошибочно – в модной одежде, которая вся создается как бы для поколения, не достигшего двадцати или чуть перевалившего за двадцать. Когда-то дочери стремились одеваться так же, как их матери; теперь матери хотят одеваться так же, как дочери». Дж. Фаулз подчеркивает, что, начинаясь с «женского» сегмента культуры, тенденция возрастной девальвации неизбежно перекидывается на культуру «мужского мира»: «Не следует так же обходить вниманием то, что многие из мужских вокальных групп используют технику пения сопрано, вышедшую из моды со времен певцов-кастратов, и высокого тенора или альты, модного в период Высокого Ренессанса – эпохи, в которой также доминировали женщины». Прослеживая исторические корни этого явления, он проводит аналогии с херувимами, купидонами и путти в изобразительном стиле рококо и барокко. «В каком-то смысле путти символизировали испытываемое человеком чувство несправедливости, как из-за недостатков созданного им самим социального строя – по утверждению марксистов, – так и из-за гораздо менее объяснимой жестокости человеческой судьбы вообще». Девальвация зрелости, с точки зрения Дж. Фаулза, это, во-первых, попытка психологической защиты от экзистенциальных реалий (смерти, свободы, одиночества и т.п.), а во-вторых, попытка построения новой мужской идеологии порабощения женщин, основанной не на их экономической зависимости от мужчин, а на соответствии стандарту «соблазнительности», определяемому обществом мужчин.

В качестве крайних примеров приведем несколько отрывков из case-analysis – анализов индивидуальных случаев индивидуальной и групповой психотерапевтической

работы, в которых, как в капле воды, отражается структура всего океана, воспроизведены типичные сценарии формирования полоролевой идентичности нового поколения украинских мужчин.

У, 19 лет, студент-отличник, один из тех, кого обычно называют «активом». Несмотря на то, что в семье есть отец (который содержит жену, дочь (с двумя детьми) и сына, о котором У отзывается как о еще одном ребенке в семье), с детства и до настоящего времени в более близком эмоциональном контакте находится с матерью. До сих пор не имеет длительных и близких взаимоотношений с девушками, боится знакомиться с ними. Привлекают те девушки, которые уже «заняты» (девушки друзей, однокурсницы и т.п.), мечтает о таких, которые будут похожи на мать. Основная стратегия, которая реализуется во взаимоотношениях с ними – сыновья забота («заслужить любовь матери»), которая, с одной стороны, привлекает девушек материнского типа (при этом табуируя сферу сексуальности, заставляя воспринимать У исключительно «как друга»), а с другой – вызывает скрытое раздражение и желание «переделать» (что составляет один из страхов У во взаимоотношениях с женщинами) или бросить (психологическую суть которого хорошо выразила одна из участниц психологической группы: «ты уже большой, давно вылез из памперса, но при каждом удобном случае, особенно во время контакта с женщинами, стремишься опять впрыгнуть туда»). По отношению к мужскому миру и сильным мужским фигурам занимает пассивно-выжидательную позицию: не бороться с другими мужчинами за любовь женщин, а подождать, пока его заметят и оценят. Суть позиции иллюстрирует следующее сновидение. В квартиру, в которой он проживает вместе с двумя другими студентами и хозяйкой квартиры, поочередно приходят незнакомые мужчины, которые ожидают возвращения хозяйки. Они находятся в одной комнате, он в другой, при этом больше в квартире никого нет. У кажется, что где-то на самом верхнем этаже возникает пожар, после чего он выходит и просит мужчин уйти, т.к. он тоже покидает квартиру. Когда мужчины уходят, он остается в квартире одним полноценным хозяином. По отношению к мужчинам-ровесникам позиция «не учите меня жить» или отстранение.

К., 22 года, студент, выраженный аутсайдер. Проблемы с трудоустройством (постоянно, через некоторый срок, бросает все работы, на которые устраивается, вне зависимости от дохода, который они приносят), зависимостью в межличностных отношениях. Мать – инвалид, фигура отца практически не присутствует в материале воспоминаний. У женщин К. постоянно вызывает чувство отвержения, раздражения и желание «кастрировать» (унизить, сбросить на него негативные эмоции и т.п.). Это связано с тройственностью его поведения: с одной стороны, он демонстрирует пренебрежение женщинами и их интересом к нему, с другой – постоянно проявляет активность, провоцируя внимание женщин на себя, с третьей – уходит от мужской роли и связанной с ней ответственностью. В отношениях с мужчинами К. также реализует «двойное» поведение: с одной стороны, примыкание к сильной мужской группе и подчинение ей, с другой – скрытые соперничество и агрессия по отношению к сильным мужским фигурам, в том числе проявляющиеся через «подставление» этих фигур и провоцирование агрессии между ними.

Инфляция мужского, полоролевого пустота, девальвация зрелости тесно связаны с проблемой первичности и соотношения внутри структуры полоролевой идентичности маскулинности, феминности или бисексуальности. Разница в теоретических представлениях приводит к тому, что в вариантах полоролевого развития мальчика принимаются за норму разные типы взаимоотношений между маскулинностью и феминностью внутри структуры мужской полоролевой идентичности: 1) подавления; 2) сосуществования; 3) противостояния и конкуренции; 4) взаимодополнения. Этому способствует еще и то обстоятельство, что многие концепции формирования полоролевой идентичности в психодинамической и социально-психологической парадигмах отождествляют феминность с такими негативно воспринимаемыми качествами, как пассивность, зависимость пр., свойственными младенцу во взаимодействии с матерью, в то время как структуры маскулинности рассматривают как позитивные и социогенные (активность, креативность и т.п.) [13]. Однако как З. Фрейд, так и ряд позднейших исследователей в области антропологии и кросс-культурной психологии подчеркивают неверность и невозможность простого сведения маскулинности к активности, а феминности – к пассивности [14]. Многочисленные кросс-культурные исследования показывают множественность социокультурных вариаций маскулинности и «мужской субъективности», которая зачастую включает и такие «феминные» черты, как мазохизм и нарциссизм [15]. Исходя из этого, по-разному оцениваются феминные проявления у взрослого мужчины, которые могут интерпретироваться традиционно, как симптомы его инфантильности, а могут рассматриваться и как попытка сохранения психической целостности в условиях давления семейного и внесемейного окружения, насильно маскулинизирующего его.

Выводы. Таким образом, можно говорить о том, что мужской мир современного украинского общества характеризуется такими взаимосвязанными психологическими феноменами, как инфляция мужского, полоролевого пустота, девальвация зрелости. Причинами этого являются гендерный релятивизм, ослабление психосоциальных механизмов маскулинной фильтрации, отсутствие фигуры сильного отца, с которым бы мог идентифицироваться в своем полоролевом развитии мальчик. Следствием этого выступает появление «унисексуализированных» мужчин, отказывающихся от традиционной мужской половой роли в пользу некоторых детских фантазий о том, каким должен быть «настоящий мужчина». В результате этого основной особенностью психологической работы с мужчинами становится не проработка проблем, соответствующих их актуальному уровню полоролевого развития, а «залипание» на инфантильном уровне, обусловленное детской фантазией найти в психологе и ситуации психологической коррекции те идеальные объект и атмосферу, в которой они могли бы получить возможность беспрепятственно удовлетворять свои потребности, выросшие из опыта маскулинной неопределенности и полоролевой травматизации.

Литература:

1. Бадентер Э. Мужская сущность. – М.: Новости, 1995. – 305 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 320 с.

3. Гачев Г. Русский Эрос. «Роман» Мысли с Жизнью. М.: Интерпринт, 1994.
4. Ерофеев В. Мужчины. – М.: Зебра Е, 2002. – 224 с.
5. Кернберг О.Ф. Отношения любви: норма и патология. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 256 с.
6. Кочарян А.С. Личность и половая роль. – Харьков: «Основа», 1996. – 127 с.
7. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Гендерные исследования, 2002.
8. Кочарян А.С., Жидко М.Е., Коцарь А.В. Полоролевые факторы формирования взаимозависимых отношений супругов // Вестник Харьковского университета, № 550, часть 2, серия «Психология». – С. 125-129.
9. Кочарян А.С., Терещенко Н.Н. Особенности картографии личностных полоролевых образований у девушек // Вісник Харківського університету, 2000, № 483. – С. 93 – 97.
10. Тайсон Р., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 528 с.
11. Ушакин С. Видимость мужественности // Рубеж. – 1998. – № 12. – С.106-131.
12. Фаулз Дж. Собирайтесь вместе, о вы, старлетки! / Кротовые норы. Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 702 с.
13. Феминология. Словарь терминов / Под общ. ред. О.Н. Пищулиной – Х.: Изд-во ХНУ им. В.Н. Каразина, 2002. – 291 с.
14. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности / «Я» и «Оно». Труды разных лет. – Тбилиси: «Мерани», 1991. Т. 2. – 429 с.
15. Hofstede G. and Associates. Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures. Sage Publications, 1998, p. 3-77.